

телями интересов нации. В гораздо меньшей степени Джадсон связывает процесс эволюции понятия с влиянием Великой Французской революции конца XVIII в. и представляет его скорее как самобытный на территории габсбургской империи.

Монография иллюстрирована несколькими картами, отражающими территориальные изменения государства Габсбургов. Немногочисленные черно-белые репродукции картин в тексте с видом на город или порт, о которых идет речь, портреты членов императорской семьи, политических и культурных деятелей чаще всего служат просто украшением книги. Однако при детальном описании картины И. П. Крафта «Прощание солдата», ее символизма и вклада в развитие идеи имперского патриотизма (с. 93—95), репродукция картины является крайне уместным дополнением к тексту. В книге есть список ссылок на литературу и комментарии автора к главам и общий именной, географический и терминологический указатели. Ощутимый недостаток монографии — отсутствие библиографического списка, что делает неудобным поиск выходных данных использованных работ.

В самом начале монографии автор заявляет, что с целью подчеркнуть отход от националистических трактовок и точки зрения о том, что топонимы имеют единственную аутентичную национальную идентичность, он будет каждый раз приводить все имеющиеся названия многонациональных населенных пунктов, если у них нет устоявшегося названия в английском языке. Названия городов на двух-трех языках, безусловно, «утяжеляют» текст, более того, автору не всегда удается придерживаться установленного им самим правила. В ряде мест он приводит только немецкое название, опуская соответствующий славянский топоним (например,

с. 136—139). Некоторые цитаты в монографии приведены без ссылки на источник (например, цитата из декларации Шлегеля на с. 95). Часто Джадсон ставит в тексте несколько идущих подряд провокационных вопросов, которые не звучат как риторические (с. 50, 78), но не дает на них ответа. Иногда недостает логического объяснения автором тех исторических явлений, которые он описывает: так, на с. 134—150 Джадсон рассуждает о том, почему австрийское общество эпохи бидермейера считают крайне «спокойным» и «аполитичным», а следующий раздел на с. 151 начинает с утверждения, что революционные настроения внезапно охватили все уголки империи — безо всякого объяснения причин такой резкой перемены. Делая выводы в конце третьей главы, Джадсон пишет, что «для среднего класса, переживавшего период своего становления, имперское государство зачастую символизировало возможности социальной мобильности» (с. 154), что не следует из текста самой главы, в которой действительно описывалось становление среднего класса, но ничего не упоминалось о возможностях социальной мобильности.

Несмотря на отмеченные недочеты, монография Джадсона, безусловно, представляет собой монументальное исследование по истории Центрально-Восточной Европы, вносит существенный вклад в развитие проблематики империи Габсбургов, представляет оригинальный вариант трактовки ее истории вне националистических подходов, содержит объемный фактологический материал и пересматривает многие мифы, сохраняющиеся до сих пор, особенно в отечественной историографии.

Ю. Е. Бум,

кандидат исторических наук,
доцент Уральского федерального университета

Ch. Mühlhng. DIE EUROPÄISCHE DEBATTE ÜBER DEN RELIGIONSKRIEG (1679—1714). KONFESSIONELLE MEMORIA UND INTERNATIONALE POLITIK IM ZEITALTER LUDWIGS XIV. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 2018, 587 S.

К. Мюлинг. ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИСКУССИЯ О РЕЛИГИОЗНОЙ ВОЙНЕ (1679—1714). КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ЛЮДОВИКА XIV. Гёттинген, 2018, 587 с.

DOI: 10.31857/S013038640003820-0

В апреле 2018 г. в издательстве «Вандерхёк & Рупрехт» вышла в свет монография доктора Кристиана Мюлинга, преподавателя института истории университета имени Юлиуса-Макси-

милиана в Вюрцбурге (Германия). Исследование продолжает широкую научную дискуссию, связанную с 500-летним юбилеем выступления Мартина Лютера в 1517 г.

Понятие «религиозная война» прочно ассоциируется с историей раннего Нового времени. Еще корифей немецкой историографии XIX в. Леопольд Ранке доказывал неизбежность религиозных войн в последующую за Реформацией эпоху, подразумевая под ними столкновения, спровоцированные конфессиональным расколом. Однако историки XIX—XX вв. обращались к термину «религиозная война» как уже ставшему штампом, не пытаясь осмыслить его и проследить истоки его появления в историографии. Монография Мюлинга удачно восполняет этот пробел. Автор предлагает скрупулезный анализ эпохи Людовика XIV — времени, в которое, согласно Мюлингу, категория «религиозная война» получила содержательное наполнение, вошедшее в позднейшую историографию и сохранившее свою актуальность и сегодня.

Как верно замечает ученый, в настоящее время в историографии ведутся жаркие споры по поводу понятия «религиозная война». Некоторые авторы даже предлагают вовсе отказаться от него, утверждая, что в исторических исследованиях, посвященных войнам и конфликтам в Европе после Реформации, предпочтительнее использовать термин «конфессиональная война», так как именно он наиболее адекватно отражает суть борьбы между различными религиозными течениями (конфессиями) внутри христианства. Сам Мюлинг считает, что термин «религиозная война» можно употреблять в том случае, когда соответствующее военное столкновение и современниками обозначалось именно так. До рубежа XVII—XVIII вв. авторы могли называть «религиозной войной» любые конфликты, вплоть до споров греческих философов. Однако после дискуссии 1679—1714 гг. к «религиозным» начали относить лишь определенные военные столкновения, причины которых современники видели в расприх на религиозной почве. Так, например, интересно утверждение Мюлинга, что Тридцатилетняя война «превратилась» в «религиозную» именно с начала XVIII в. Стремясь проследить формирование представлений о феномене «религиозной войны», Мюлинг выделил в своей монографии три основных европейских очага конфессиональных противоречий. Первой страной, где разгорелась дискуссия о «религиозной войне», стала Франция. Однако в силу высокой степени межкультурной коммуникации внутри конфессий яростные дебаты на эту тему вскоре начались также в Священной Римской империи и Англии.

Импульсом к дискуссии о сущности «религиозной войны» стала активная антигугенотская политика Людовика XIV. На Францию, как показывает Мюлинг, Реформация оказала наиболее сильное влияние, обернувшись для

Европы чередой войн в конце XVI столетия. Религиозная терпимость первой половины XVII в. была лишь затишьем перед бурей, которая обрушилась на гугенотов в последней трети века. Наступление католиков выразилось в целом ряде антипротестантских законов, среди которых к самым одиозным Мюлинг причисляет запрет гугенотам хоронить умерших днем, а также запрет на многие профессии. В 1685 г. эдиктом в Фонтенбло был отменен Нантский эдикт Генриха IV, что привело к массовой эмиграции французских гугенотов. В начале XVIII в. во Франции вспыхнуло очередное восстание гугенотов (так называемые камизары) против французской короны, которое, впрочем, стало финальным аккордом религиозных баталий.

Все эти события сопровождались активизацией общественного мнения во Франции и привели к ожесточенным публицистическим спорам между католическим клиром и пасторами-гугенотами. Главным вопросом, превратившимся в камень преткновения для публицистов, стала проблема вины за разжигание религиозных распри. Активно привлекая исторические примеры, обе стороны старались свалить на оппонентов ответственность за разжигание очередной религиозной войны. Католики утверждали, что «истребление гугенотов» — «богоугодное дело», потому что именно они все время выступают как инициаторы военного столкновения, гугеноты апеллировали к алчности и властолюбию католиков, по их мнению, лишь прикрывавшихся высокими религиозными идеалами. Как показывает Мюлинг, для усиления собственной аргументации в ход шли и заведомо ложные сведения. В большинстве публицистических сочинений преобладали именно они. Автор монографии провел тщательный источниковедческий анализ и убедительно доказал, что в дебатах католиков и гугенотов анонимно принимал участие даже сам Людовик XIV, который стремился любыми средствами очернить гугенотов, зачастую также не брезгуя откровенной ложью.

После изгнания гугенотов из Франции дискуссия о религиозной войне быстро приобрела европейские масштабы, особенно же активно она велась на территории Империи. Империя приняла многих гугенотов, бежавших из Франции. Тем не менее, как доказывает Мюлинг, несмотря на внешне относительную веротерпимость, сложившуюся здесь после Вестфальского мира, общие позиции немецкого протестантизма на рубеже XVII—XVIII вв. стали ослабевать. После перехода княжеского дома Нойбургов в католицизм протестантская Германия утратила свой главный оплот кальвинизма — Пфальц. Не меньшим ударом по протестантам стало принятие католицизма саксонским курфюрстом Августом Сильным. Опасаясь

наступления католиков, немецкие протестанты приложили максимум усилий, чтобы укрепить внешнеполитические союзы с единоверцами. Статус курфюршества в 1692 г. получил протестантский Ганновер, владение английской династии. Появление «протестантского королевства» Пруссии в 1701 г. вызвало бурю негодования и ужаса у католической стороны. Акцентируя внимание на этих событиях, Мюлинг выдвинул тезис о том, что Вестфальская система, вопреки мнению многих исследователей, не принесла империи желанного религиозного умиротворения. Доказывая свою точку зрения, немецкий историк обратился к дебатам о религиозной войне в империи, продемонстрировав, насколько накалилась религиозная обстановка в немецких княжествах в 1679—1714 гг. Католическая публицистика рисовала кровавый сценарий новой «религиозной войны», в котором ее особенно пугала опасность утраты католической церковной собственности, а протестанты постулировали неизбежность новой общеевропейской «религиозной войны», предвстие которой они увидели в изгнании гугенотов из Франции и потере немецкими протестантами своего влияния в традиционных протестантских регионах империи.

Наряду с Францией и империей жаркая дискуссия по вопросу о «религиозной войне» началась в последней трети XVII в. в Англии. Религиозная обособленность английской короны лишь подогревала споры о готовившейся «религиозной войне», а знаменитый Билль об отводе, который должен был лишит наследника Карла II Якова, герцога Йоркского, яростного католика, прав на престол, сделал дебаты о религиозном противоборстве достоянием широкой общественности. Современники, как наглядно демонстрирует Мюлинг, оценивали правление Якова II как пролог религиозной войны. «Славная революция» и дальнейшие попытки Якова II вернуть свой трон при помощи Людовика XIV были восприняты английскими публицистами как настоящая «религиозная война», конец которой не положил в глазах публицистов даже акт о престолонаследии 1701 г., лишивший католиков права на трон. Сын Якова II, ставший после смерти изгнанного отца новым претендентом-католиком на английский престол, изображался в публицистике как угроза английским протестантским традициям. Мюлинг, анализируя английские памфлеты, приходит к выводу, что особое влияние на дискуссию о «религиозной войне» в английском обществе оказывали переселившиеся в Англию французские гугеноты. Именно они рисовали страшные картины французо-якобитской интервенции.

Мюлинг демонстрирует, как влияли дебаты о «религиозной войне» на восприятие внешней политики Людовика XIV в Европе. Он показывает, что в наследии современников две главные войны Людовика XIV, за пфальцское и испанское наследство, превратились в войны «религиозные». Такую «славу» обеспечили им в своих ожесточенных дискуссиях представители противоборствующих конфессий, провозглашая французского короля или «защитником истинной веры», или «тираном, стремящимся уничтожить свободу». Примечательно, что, по мнению Мюлинга, сам Людовик XIV поддерживал такую интерпретацию своей политики, активно используя в собственной пропаганде религиозный аспект. Король Франции и его союзники неоднократно подчеркивали, что защищают католичество. Таким образом, проблема «религиозной войны», согласно Мюлингу, стала в 1679—1714 гг. лейтмотивом международных отношений в Европе.

Исследование Мюлинга интересно и тем, что в ней использован чрезвычайно широкий круг источников. Изучив материалы архивов Франции и Германии, автор выделил две основные категории проанализированных документов, которые он классифицирует как «историография» и «повседневная публицистика». Мюлинг обращает внимание на то, что в исследуемый им период количество исторических сочинений заметно увеличилось, причем в основном это были научные трактаты, в которых в той или иной форме поднимались вопросы постреформационных войн в Европе. Подобные сочинения давали повседневной публицистике неисчерпаемый материал для обсуждения. Благодаря специфике источниковой базы труд Мюлинга стал вкладом в популярное сегодня направление исторических исследований, связанных с культурой памяти. «Конфессиональная» память, как наглядно показывает автор, играла на рубеже XVII—XVIII в. определяющее значение для восприятия современных международных событий. Если историография предлагала конкретные примеры, классифицируемые в ней как «религиозные войны», то повседневная публицистика адаптировала их для потенциального читателя и, что важно, выделяла характерные черты, превратившиеся в памяти потомков в стереотип. Те представления о «религиозной войне», которые сегодня определяют наше сознание, сформировались именно благодаря «многоголосой дискуссии» позднего XVII и раннего XVIII в. Именно тогда возникли основные характерные компоненты настоящей «религиозной войны», использующей религиозные мотивы во зло лишь для прикрытия истинных политических амбиций. Тема «религиозной войны» стала важной составляющей

дискуссии XIX—XX вв. об отношениях церкви и государства.

Монография К. Мюлинга сразу обрела признание в научных кругах. Она была удостоена премии Франко-германского коллежа — крупнейшего научного центра, объединяющего более ста вузов Франции и Германии.

Согласно условиям получения премии, в течение года работа должна быть переведена на французский язык и опубликована во Франции.

А. В. Лазарева,
кандидат исторических наук,
доцент МГУ

С. В. Артамошин. КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. СПб.: изд-во «Владимир Даль», 2018, 415 с.

DOI: 10.31857/S013038640003821-1

Профессор кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета д.и.н. С. В. Артамошин известен научному сообществу работами по истории консервативной революции в Германии — феномена, возникшего в годы Веймарской республики и сыгравшего значительную роль в период нацизма¹. В новом исследовании С. В. Артамошин показывает консервативную революцию как уникальный и поучительный интеллектуальный феномен.

Открывает книгу небольшое по объему (23 страницы), но профессионально написанное введение, из которого видна и степень изученности проблемы, и лакуны в ее осмыслении.

Далее следуют шесть глав. Первая — «Кризис германского консерватизма» включает два параграфа. Автор существенно выходит за тематические рамки главы и основное внимание уделяет не столько кризису консервативной мысли конца XIX — первых лет XX в., сколько идейным поискам немецких интеллектуалов, прежде всего, К. Шмитта и А. Мёллера ван ден Брука. Первый в стремлении преодолеть идейный кризис консервативной мысли обратился к творчеству испанского католического мыслителя первой половины XIX в. Х. Доносо Кортеса (с. 54—59). Идеи испанца позволили К. Шмитту создать свое учение о государстве и сформировать идейную структуру консервативной революции. Более того, именно католицизм в его кортесовском осмыслении стал для Шмитта той духовной силой, которая в 1920-е годы смогла противостоять модернистским тенденциям и по-

служить основой для политической консолидации единомышленников (с. 67).

С. В. Артамошин на примере А. Мёллера ван ден Брука показывает кардинальное отличие германского консерватизма XIX в. от нарождающегося нового консерватизма начала XX в. — не вступать в политические компромиссы и не обороняться, а действовать (с. 76—77). Ведь именно активность позволяла не только противостоять открытым политическим противникам, но и перехватывать инициативу у оппонентов из лагеря консерваторов.

В двух параграфах второй главы «Великая война как духовный феномен современности» автор рассматривает место и роль Первой мировой войны как структурного, внешнего аспекта формирования консервативных революционеров. Центральное место в его повествовании занял фронтовик Э. Юнгер. Он для автора книги подлинный «сейсмограф войны», интеллектуал, сумевший показать «опыт войны» через тип и образ солдата (с. 100). А этот образ, в свою очередь, выводил на идею фронтового братства. В итоге возникло идейное единство, сформировавшее поколение войны. Его ряды, как подчеркивается в исследовании, представляли люди, остро осознающие «национальные потребности германского народа», стремящиеся «к решению национальных задач» и принесшие «в мирную Германию энергию деятельности, готовность и способность действовать» (с. 121).

В третьей главе «Структура интеллектуального течения консервативной революции: люди, организации, издания» историк в первом параграфе раскрывает особенности биографий ведущих представителей консервативной революции (О. Шпенглера, Э. Юнгера, А. Мёллера ван ден Брука, К. Шмитта, Э. Ю. Юнга, Э. Никиша), во втором показывает организационную структуру этого движения. Отметим замечание автора об общности происхождения подавляющего большинства рассматриваемых правых интеллекту-

¹ Артамошин С. В. Идейные истоки национал-социализма. Брянск, 2002; *его же*. «Теолог юриспруденции»: католический консерватизм К. Шмитта в поисках духовной преемственности. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 32, 2010; *его же*. Артур Мёллер ван ден Брук. — Вопросы истории, 2012, № 5; *его же*. Карл Шмитт: исторический портрет. — Вопросы истории, 2014, № 2.